

Alena
Mornštajnová

HANA

Моему городу

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Я, Мира
1954—1963

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Февраль 1954

Вот никогда не понимала, почему взрослые любят повторять детям, что быть хорошим и послушным выгодно. Будь я образцовой дочерью, мое имя сейчас было бы выгравировано на надгробной плите, как имена маминих родителей — бабушки Эльзы и дедушки Эрвина, которые умерли задолго до моего рождения, или бабушки Людмилы и деда Моймира, на могиле которых мы с мамой всегда зажигали свечи в коричневых стаканчиках, хотя до нее приходилось топтать аж на дальний конец кладбища.

Погожими воскресными днями, когда все мои подружки отправлялись на семейную прогулку в парк или прохаживались по городу, мама переодевала меня, Дагмару и Оту в выходную одежду и выталкивала нас на улицу ждать ее перед часовой мастерской, ко-

торая когда-то давно принадлежала нам, но к тому времени ее уже отобрали, и в темной каморке на первом этаже отцу только разрешали работать за мизерную зарплату, а маме — бесплатно мыть грязные истоптанные полы.

Каждое воскресенье после обеда мама мыла посуду, надевала черную шляпку, сажала Отика в коляску или, когда он уже подрос, брала его за руку и тащила нас на кладбище. Дорога казалась мне бесконечной. Нужно было спуститься мимо церкви к реке, потом по мосту, пересечь весь нижний город, который по неизвестной мне причине назывался Красно, дальше долго плестись вдоль длинного замкового парка, обогнуть последние дома, войти в кладбищенские ворота и ждать, пока мама подметет могилы, поправит цветы в вазочках и зажжет свечи. За работой мама разговаривала с усопшими, рассказывала им, что нового в Мезиржичи, кто родился, кто умер, о чем в городе толкуют, как поживают соседи и что опять натворили мы, дети.

Я не осмеливалась что-нибудь сказать, только тяжело вздыхала, чтобы мама поняла, как мне надоело ждать, и все равно мама каждый раз укоризненно говорила мне: «Не

стой с такой кислой миной, не будь их, тебя бы и на свете не было».

Когда на плитах появились новые имена, а среди них и мамино, я вспомнила, как она стояла у могил каждое воскресенье и разговаривала со своими близкими. Меня утешало, что теперь она с теми, по которым так скучала.

Мое имя не стало в ряд с остальными золотыми надписями на плите только потому, что иногда лучше быть непослушной и плохо себя вести. Если вы не согласны, то лучше дальше не читайте. И на всякий случай не давайте эту книгу детям.

Зима в тот год, когда мне исполнилось девять и когда вся моя жизнь перевернулась, выдалась удивительно снежной и морозной, но в феврале уже казалась бесконечной. Только в последние февральские дни потеплело, снег начал таять, и лед на реке тронулся.

Река, разделявшая Мезиржичи и Красно, местами скромно и не спеша несла свои воды в более крупные реки, и поскольку снег на ближайших горах таял медленно, так что течение ускорило несильно, а уровень воды поднялся совсем чуть-чуть, мы решили, что сейчас идеальная пора, чтобы покататься на льдинах.

В феврале того года, то есть тысяча девятьсот пятьдесят четвертого, когда зло уже затаилось глубоко в недрах города, мы каждый день после школы с нетерпением бежали на речку проверить, не тронулся ли лед, не стало ли течение таким быстрым, чтобы вскочить на льдину и прокатиться на ней несколько метров — вкусить приключений, о которых нам на переменке рассказывали шестиклассники близнецы Эда и Мирек Зедничеки, которым уже довелось испытать на собственной шкуре катание на льдинах одной такой же суровой зимой несколько лет назад.

И вот спустя несколько дней лед наконец-то тронулся, середина реки оттаяла, и льдины потихоньку двинулись вниз по течению. Наш час, вымоленный и тщательно спланированный, настал.

Я стояла в дверях кухни, в одной руке держала красную шапку с помпоном, а в другой варежки.

— Что за странная идея? — удивилась мама, когда я спросила, можно ли нам с Ярмилкой пойти кататься на санках. В кухне было тепло, уютно и пахло ватрушками, которые мама пекла к своему дню рождения. — Снег почти растаял, ты вся промокнешь.